

А

Мария Жукова

Дача на Петергофской дороге

Гейнце Н. Под гнетом страсти. Жукова М. Дача на Петергофской дороге. -- М.: Панорама, 1994. -- (Библиотека любовного и авантюрного романа).

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Это был такой добрый, такой превосходный молодой человек, что, право, невозможно было не интересоваться им.

Он был уже в отставке и жил со старушкой-матерью в Петербурге, на Литейной, где нанимал очень хорошую квартиру во втором этаже, ездил в Михайловский театр, обедал нередко в Английском клубе, имел несчетное множество тетушек и дядюшек, значительное имение в Тульской губернии и такое же точно значительное количество -- долгу.

Что делать! В молодости он служил в гусарах... позашалился, проигрался; мать была в отчаянии, а тетушки?.. О них нечего и говорить! Особливо одна тетушка, Елена Павловна; эта решительно была уже вне себя. По всему городу, то есть по всем знакомым домам, точно тревогу били тетушки, и везде слышно было по секрету: "Бедная сестра! Несчастливая женщина! Повеса! Погубил бедную мать. Если, б был отец, конечно, уж не то бы было", -- и тому подобное. При таком множестве тетушек, конечно, было так же много и кузин; кузины также шумели и даже плакали; но они говорили: "Это просто несчастье; Евгений превосходный человек; святая, небесная душа! Он был завлечен, но он исправится... о, это верно!"

Собрались все на общий совет, тетушки и дядюшки, и решили заложить имение, но заложить уже все, хотя бы и половины было достаточно для уплаты долга. Тетушки и дядюшки думали так: остальные деньги отдать в верные руки, чтобы процентами уплачивать в совет; явная выгода: совет удовлетворен и капитал остается. Дядюшки, особливо тетушки, были очень расчетливы. Княгиня согласилась... Я забыла сказать, что интересный молодой человек был князь.

Дела немного поуладились, и тетушки успокоились. Но жизнь в Петербурге дорога, очень дорога. Общество имеет свои обыкновения, от которых уклониться нельзя, иначе как оставя его. Петербург, что ни говорите,-- просто маленький городок, где всех и всякого знают; следственно, малейшая перемена в образе жизни неминуемо производит толки. Сейчас начнутся: как? что? отчего? а! скупится, экономничает: видно, пришло плохо. И, стало быть, уже так плохо, что никакого средства нет, когда уже дал всем заметить. Жаль, право! Другие скажут: поделом! А третьи хоть и ничего не скажут, но так вздохнут, как будто бы у них гора с плеч свалилась. Ведь чужое счастье иным, право, гора на плечах! Ну, теперь я спрашиваю, где стойк, который под бременем подобных заключений покойно, равнодушно явится в залах, где прежде бывал, как и все, разумеется? Разорился? Это еще ничего. Мало ли людей, которые в долгу как в шелку, а бросают деньгами, как богатые. И хорошо. Но признаться, что разорился: следственно, не оставит тысячи на карточном столе, не пойдет в итальянскую оперу, не бросит денег на ужин с приятелями, не возьмет лотерейного билета, потому что... потому что... ему не на что,-- вот что превосходит человеческие силы! Вот что требует истинного стоицизма!.. Но такого стоицизма еще никто не имеет, нет. Лишать себя необходимого, лишь бы о том никто не знал, вертеться на железной постели, придумывая, как ускользнуть от кредиторов, скрепя сердце и заглуша еще не уснувшую совесть, обманывать направо и налево -- это еще возможно. Но признаться, что обеднел?.. О нет!

И этого-то никто не мог сказать о князе и княгине. У них все было по-старому: карета и лошади, и кресло в Михайловском театре, и раз в неделю обед для дядюшек и тетушек,-- все как и прежде! а там... Бог знает как случилось, только вдруг капитал, отложенный для уплаты в совет, исчез так, что и в руках не увидели. А там неурожайные годы, мужиков кормить; а там урожайные, сбыта хлеба нет. Беда за бедой! А квартира, карета и обеды по-старому. Начались недоимки, описи, чуть не дошло до публикаций в газетах. Право, жизнь семейства в подобных обстоятельствах -- настоящая драма, полная тревог, опасений, отчаяния и, разумеется,-- надежд, небесных утешений, жертв. Никто только не хочет видеть в ней поэзии, потому что главная основа ее -- деньги, этот первый движитель нашего века, которого один звук сотрясает все фибры сердца,-- и ему отказывают в поэзии!..

А